

УДК 811.161.1'374

**СОЦИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО
ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ**

© 2013 г.

М.А. Грачев

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

ma-grachev@mail.ru

Поступила в редакцию 13.12.2013

Отредактировав в Н. Новгороде лексикографические работы по условным языкам офеней, бродячих ремесленников, деклассированных элементов, В. И. Даль включил в свой «Толковый словарь живого великорусского языка» группу лексем из речи шулеров; были зафиксированы слова древних криминальных социумов, а также лексика с общим значением «преступление».

Ключевые слова: условные языки, арго, социум, пиджин, тарабарские языки, жаргон.

В.И. Даль в Нижнем Новгороде дополнил и отредактировал свои лексикографические работы по условным языкам. Так, к офенскому словарю он добавил ещё множество слов: ведь коробейники-ходобщики активно посещали Нижегородскую ярмарку. Особое место в его работе отводится словарю арготической лексики [1].

В.И. Даль зафиксировал как в своём опубликованном «Толковом словаре живого великорусского языка» [2; 3], так и в неопубликованных словарях лексику различных русских социумов, причём именно те слова, которые не были отмечены до него другими лексикографами.

В.И. Даль обогнал время: его рассуждения свидетельствуют о том, что он уже видел в зачатке социальные варианты языка. Об этом он говорит в разделе «Искусственные языки». Под ними следует понимать не только создание пластов слов волевым способом, но и те «языки», которые используются определённой социальной обособленной группой, например уголовниками, бурлаками и проч. Не случайно очень много пословиц и поговорок знаменитого уголовного Ваньки Каина он приводит в своём фундаментальном труде «Пословицы русского народа» [4, с.24]. А это – фразеологизмы криминальных элементов.

Все социодialeктологические работы В.И. Даля следует разделить на опубликованные и рукописные. Неопубликованные труды находятся в Санкт-Петербурге в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, см. их названия: «Словарь офенского языка» [Рукопись 1850-е гг.], «Словарь языка шерстобитов (костромских и нижегородских)», «Словарь русско-офенский. Писарская копия в переплёте» [1854–1855], «Словарь языка владимирских ходобщиков» [1860-е гг.], «Условный язык пе-

тербургских мошенников, известный под именем *музыки* или *байкового языка*».

У В.И. Даля имеются заметки и о древнем языке волжских разбойников. Интересны его рассуждения о выражении *сарынь на кичку*: Даль считал, что, по преданию, это приказ волжских разбойников бурлакам собраться на передней части корабля, пока будет «разборка» с хозяином судна и его приказчиками [2, с. 154].

Любопытно, что фрагменты «Условного языка петербургских мошенников» включены в «Толковый словарь живого великорусского языка», особенно та часть, которая представляет собой примеры употребления арготизмов, см. выдержки: "*Что тырил? Срубил шмель да выначил скуржаную лоханку. Стрёма, каплюжник: перетьерь жулику да прихерься. А ты? Угнал скамейку да проначил на веснухи.* То есть: «Что украл? – Вытащил кошелёк да серебряную табакерку. – Чу, полицейский: передай мальчишке да притворись пьяным. – А ты? – Украл лошадь да променял на часы». В то же время в «Толковом словаре живого великорусского языка» гораздо больше арготизмов воров-карманников, чем в «Условном языке петербургских мошенников», и в статьях даётся более подробная характеристика [5, с. 32].

В.И. Даль является одним из первых лексикографов, который обратил внимание на арготизмы – лексику криминальных элементов. До этого труда арготических словарей (словников) не было. В его словнике имеется около ста шестидесяти лексем и двадцать примеров словупотребления. Арготизмы лексикограф собирал в г. Петербурге (на это указывает и название словника), но, как свидетельствуют наши исследования, они использовались криминальными элементами по всей России.

Исследователь А.Л. Топорков писал: «Беловой автограф ориентировочно датирован 1850-ми годами, однако сам словарик, по-видимому, был составлен раньше» [6, с. 133]. В 1869 г. им пользовался известный писатель и этнограф С.В. Максимов при работе над статьёй «Тюремный словарь. Искусственные (байковые, ламанские, кантюжные) языки, помещённые в приложении к первому тому его книги «Сибирь и каторга». С.В. Максимов сообщал: «Музыка, или словарь карманников, то есть столичных воров, которым мы пользуемся в настоящем случае, составлен в 1842 году, проверен и дополнен сообщениями новых и подтверждением старых слов в прошлом 1869 г.» [7, с. 446]. Фразы на «байковом языке», которые приводит С.В. Максимов, заимствованы им из словарика В.И. Даля. То есть этнограф и писатель С.В. Максимов, в отличие от писателя Вс. Крестовского, делает прямую ссылку на неопубликованный труд В.И. Даля.

Лексемы в словнике В.И. Даля расположены не по алфавиту, отсутствуют грамматические пометы, контекст приведён отдельно от слов. Кроме того, в него включён и ряд общепросторечных слов, известных не только петербуржцам, но и по всей России: *барчук* – «господин во фраке», *толкун* – «рынок», *чебурахнуть*, *хлобыстнуть* – «ударить» и др. В некоторых случаях приведена лишь форма слова, см., например, *вытурен* (краткое причастие) – «выгнан из столицы». (Контекст: *Он ведь уже ел миноги и вытурен, так не чиста была его бирка.* – Он уже наказан плетями и выслан, так как паспорт был фальшивым [6, с. 137]).

В «Условном языке петербургских мошенников» почти половину слов составляют арготизмы воров-карманников, которые обозначают: а) места совершения преступления и удобные ситуации для совершения преступлений (*касса* – «театр», *толкун* – «толкучий рынок», *уборка* – «похороны», *заделье* – «свадьба»; *канна* – «кабак»), б) одежду (*бандырь* – «сюртук», *камзолка* – «жилет», *ширман* – «карман», *левик* – «левый карман», *правик* – «правый карман»), в) кошельки и бумажники (*финан*, *шишка* – «бумажник», *мешок*, *шмель* – «кошелёк с деньгами»), г) предметы кражи (*лоханка* – «табакерка», *камбала* – «лорнет», *двуглазая* – «театральная трубка», *обруч* – «кольцо; перстень»), д) жертвы преступления (*хер* – «пьяный», *аршин* – «купец», *талыгай* – «военный»), е) профессиональные действия воров-карманников (*трокнуться* – «нечаянно оглянуться, совершая карманную кражу», *выначить*, *срубить* – «украсть из кармана», *затынить* – «заслонить

вора во время карманной кражи», *огалчить* – «неосторожно толкнуть товарища во время карманной кражи и помешать ему в совершении преступления», *ошманать* – «ощупать», *намазуриться* – «научиться воровать из карманов» и др. См. также примеры употребления арготизмов воров-карманников: «*Я вытащил шмель из под бандыря*». (Я вытащил кошелёк из сюртука <или фрака>); «*Затынь жулика, чтоб не стремили каплюжники*». (Заслони мальчика, чтоб полицейские не увидели его); «*Что невпопад трёкаешь, вишь маза огалчил*». (Что ты не вовремя стал толкать, видишь, помешал товарищу вынуть из кармана краденое, толкнул его); «*Срубил шмель да выначил скуржаную лоханку*». (Вытащил кошелёк с деньгами да серебряную табакерку)). Последующие словари, художественная и документальная литература подтверждают использование данных арготизмов ворами-карманниками, часть из зафиксированных В.И. Далем специализированных арготизмов употребляется и современными ворами-карманниками. Вероятно, данная «профессия» уголовников уже в то время была классической воровской специальностью.

Вместе с тем в словарном материале, собранном В.И. Далем, имеются специализированные арготизмы конокрадов (*скамейка* – «лошадь», *рубашка* – «конская сбруя»), воров, специализирующихся по кражам из домов и квартир (*серёжка* – «замок», *мальчишка* – «долото», *вертун* – «коловорот», *мычки* – «отмычки; поддельные ключи»), воров с повозок и экипажей (*мякоть* – «подушка с экипажа»), грабителей (*выхаживать* – «вырывать, выхватывать», *сворочать бурку* – «огрбить на улице») и др., а также лексемы тюремного арго (*блошница* – «арестантская камера в отделении полиции», *новокрещёнец* – «человек, впервые попавший в места лишения свободы»). Приводя арготизмы разных групп уголовников, В.И. Даль одним из первых указал на существование широкой разветвлённой преступности, у которой была и своя воровская школа (этот факт, например, подтверждает арготизм *жулик* – «малолеток, ученик мошенника»).

В.И. Даль считал, что уже в середине XIX в. было общеуголовное арго, то есть лексемы, которые использовали все разряды криминальных элементов. Это подтверждает словарный материал, см. примеры: *трясогузка* – «горничная», *клёвый маз* – «атаман шайки», *фараон* – «будочник», *яманный* – «негодный, нехороший», *клёвый* – «хороший, красивый, дорогой», *стриканицы* – «ножницы», *зетить*, *стремить* – «зорко смотреть», *сгореть* – «попасться полиции без

надежды на освобождение» и др. «В Рязанской и Тверской губерниях, – утверждает исследователь, – записные нищие, мошенники, воры, конокрады говорят почти тем же офенским языком, с небольшими изменениями, называя его *кантюжным*». По его мнению, целые деревни, нищенствуя, знали этот язык» [1, с. 32]. Отсюда можно сделать вывод, что какие-то группы офеней были близки к уголовной среде и этот фактор способствовал переходу лексем коробейников в арго. Следует отметить, что В.И. Даль не всегда чётко разграничивал условные языки и арго, считая их вариантами одного социального диалекта. В его неопубликованном труде «Словарь русско-офенский» (1854–1855 гг.) имеется значительное количество арготизмов (например, *бабки* – "деньги", *выручка* – "квартирный надзиратель", *космырник* – "ки-стеня" и др. см. [8]). Возможно, это было связано ещё и с тем, что офени активно пополняли ряды криминальных элементов; бродячая, полная риска жизнь, профессия, нередко провоцирующая на преступление (обман покупателей, частые кражи и т. п.), – всё это способствовало переходу коробейников за грань закона.

Даль также размышляет и о бижаргоне (это наш современный термин, обозначающий жаргонно-арготическую лексику, используемую несколькими социальными группами). «Столичные, особенно питерские, мошенники, карманники и воры различного промысла, – пишет он, – известные под именем мазуриков, изобрели свой язык – впрочем, весьма ограниченный – относящийся исключительно до воровства. Есть слова, общие с офенским языком. Этим языком, который называется у них *байковым*, или, попросту, *музыкой*, говорят также всё торговцы Апраксина двора – как надо полагать, по связям своим и по роду промысла» [1, с. 33].

Говоря о бижаргоне, следует упомянуть и так называемый тайный счёт. Вот как о нём пишет сам лексикограф: «Коновалы, конокрады, барышники также составили род условного мошеннического языка, еще болѣе ограниченного и притом образованного сплошь из перековерканных татарских словъ и татарскаго счета» [1, с. 32]. Но как тогда соотносились между собой эти социумы: то ли они создали одно сообщество и у них был один условный язык? И тогда речь должна идти об одном преступном объединении. То ли у них была общая группа слов, и тогда речь велась бы о бижаргоне. Об этом сведений нет, так же, как и отсутствуют примеры употребления этих лексем.

Утверждение В. И. Даля о том, что от арго волжских разбойников осталось только два выражения – *сорынь на кичку* и *дуван дуванить*, также спорно. Фразеологизм *дуван дуванить* был общеуголовным устойчивым словосочетанием и употреблялся, как свидетельствуют разбойничьи песни, былины и предания, не только в среде волжских, но и в шайках других разбойников: лесных, грабящих на больших дорогах ("*подорожниках*" или "*придорожниках*"), городских грабителей и воров-карманников. Нами обнаружено около 90 арготизмов волжских разбойников, см. примеры: *измываться* – "пытать водой: насильно лить воду в рот" (позднее слово перешло в общенародный язык со значением "издеваться", *притон* – "тайная пристань волжских разбойников", *пустить (красного) петуха* – "выстрелить из ружья", "зажечь дом в деревне" и др.

В.И. Даль ввёл в лингвистический научный оборот термин *музыка* – "арго". Он использовал этот бывший арготизм потому, что в отечественном языкознании практически не было терминов, обозначающих лексику криминальных элементов. Это же слово употребляли и составитель словаря «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы» В.Ф. Трахтенберг, и лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ, написавший предисловие к указанному словарю [9]. Возможно, благодаря последнему сочетание *блатная музыка* – "арго" перешло в разряд лингвистических терминов [10, с. 8]. Употребляемое В. Далем арготическое словосочетание *байковый язык* как синоним к термину *арго* в отечественной лингвистике не прижилось.

Обозначение некоторыми лингвистами лексем офеней и ремесленников "условно-профессиональными языками", на наш взгляд, лишено оснований: профессиональное ядро в них занимает незначительное место и преобладает бытовая лексика, напрямую не относящаяся к торговле или ремеслу. В то же время нам кажется нецелесообразным использование В.И. Далем термина "искусственные языки" для обозначения социолектов: условного языка офеней, арго, жаргонов, см. в: «Предисловии» к "Толковому словарю живого великорусского языка" главу "О языках *искусственных*". По его мнению, указанные социолекты создавались волевым способом. Но это не так: арго и жаргоны создавались стихийно, а в условных языках явно наблюдаются два аспекта: стихийное и волевое. В то же время, у искусственных языков типа эсперанто, волапюка, идо, с одной стороны, и условных языков ремесленников и торговцев, с другой стороны, различные цели: если искус-

ственные языки объединяют социумы и народы, то условные языки обособляют и тем самым отделяют одну группу населения от другой. Кроме того, средства словопроизводства у искусственных и условных языков различные.

У В.И. Даля имеются любопытные размышления о жаргоне бурлаков: «Кстати, увёряють, будто есть также бурлацкий языкъ и будто въ разныхъ городахъ Поволжья составляютъ словарь этого языка. Напрасно: такого словаря не будетъ, потому что языка этого нѣтъ; развѣ угодно будетъ назвать такъ судоходныя выражения по Волгѣ или шуточные выражения гульливой молодежи: *хлебалка* – ложка; *ядало* – ротъ; *нюхало* – носъ; *грабилки* – руки, и пр.» [1, с. 33].

Однако наши наблюдения не подтверждают высказывания В.И. Даля. Нами обнаружено около семидесяти жаргонизмов бурлаков, см. примеры: *гусак*, *ишишка* – "главный среди бурлаков", *апостольская скатерть* – "паруса", *орава* – "группа бурлаков", *весло* – "ложка" и др.

В "Толковом словаре живого великорусского языка" также зафиксировано около трёхсот лексем шулеров, причём они «рассыпаны» по всему словарю. Возможно, шулерами были и представители высшего общества. Вот примеры: *верховка* – «в шулерской картёжной игре меченая краплёная с рубашки карта»; *клины* – «в шулерской картёжной игре срезка всей колоды слегка клином», *коробок* – «в шулерской картёжной игре: часть колоды сламывается или сгибается горбом, и неопытный игрок всегда снимает под этот горб, под известную карту»; *липок* – «в шулерской картёжной игре мазь, липкая, но не маркая, которою спаиваются две карты и дают возможность ставщику вскрыть любую».

Из офенских слов В.И. Даль включил в «Толковый словарь живого великорусского языка» наиболее употребительные.

Анализ лексики «Словаря русско-офенского» и «Словаря офенского языка» позволяет сделать вывод, что профессиональное ядро в лексике коробейников выражено слабо. В нём должны были бы преобладать лексемы, связанные с торговлей (обозначения товара, денег, действий, связанных с куплей-продажей, и т.п.), однако они составляют незначительное количество, см. примеры: *колым* – "барыш", *выпулка* – "выкуп", *допулить* – "докупить", *пулить* – "покупать", *жирмашиник*, *мара*, *марка*, *мируха*, *маришник*, *марник*, *марочник*, *марушник* – "гривенник", *лама*, *ламоха*, *ломиха*, *ламник*, *ломишник* – "полтинник", *икса* – "копейка", *бессарный* – "безденежный"

и некоторые другие. Большинство лексем условных языков офеней, зафиксированных в словниках В.И. Даля, перешло в арго в XIX–XX вв., см. примеры: *шалыгай* – "военный человек", *взю*, *здюга* – "два", *бирять* – "давать", *рыжичек* – "золотой", *жуль* – "нож", *лакуза* – "лакей", *искосать* – "избить", *фомка* – "лом", *пролащить*, *проначить* – "проиграть в карты", *хруст* – "рубль" и др. В арго перешли и некоторые слова, образованные прибавлением маскировочных комплексов звуков *шу-*, *ши-*, *ку*: *шур* – "вор", *шуровка* – "воровка", *шуровать* – воровать, *шуровской* – "воровской", *шуровство* – "воровство", *шустрый* – "быстрый; острый; сообразительный", *шустро* – "остро", *ширман* – "карман; воркарманник", *шифтан* – "кафтан", *курebro* (серебро), *кулото* (золото). К каждой лексеме условных языков В.И. Даль делает помету, указывающую на место и сферу её употребления, например: *бурить* (вл.)- "лгать", *ейла* (кост.) – "есть, имеется", *дробь* (маз.) – "розги", *ходара* (ш) – "нога", *болдоха* (гал.) – "солдат" (помета *вл.* указывает на то, что данное слово употребляется во Владимирской губернии, *гал.* – в Галиции, *кост.* – в Костромской губернии, *ш.* – в среде шерстобитов, *маз.* – среди мазуриков [преступников]).

Лексикограф в качестве образчика приводит в «Толковом словаре живого великорусского языка» пример речи офеней: «*Мисовской курёхой стремыжный бендюк прохандырили хруци: лохи биряли колыги и гомза, кубы биряли бряет и в устреку кундяков и игренят; аламонья карюки курещали курески, ласые мещаты трецались*». То есть: «В нашей деревне третьего дня проходили солдаты; мужики угощали их брагой и вином, бабы подавали есть, а в дорогу надавали пирогов, яиц и блинов; красные девки пели песни, малые ж ребята смеялись» [13, с. 34].

К социальным диалектам В.И. Даль справедливо относит и тарабарский язык учащейся молодёжи: «Тарабарский языкъ школьниковъ состоитъ въ перестановкѣ или замѣнѣ согласныхъ, по извѣстному правилу, тогда-какъ гласныя остаются неизмѣнны: вмѣсто *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н* ставятъ *ц, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п*, и наоборотъ; такъ что вмѣсто: *я унесъ у Ваньки калачикъ*, говорятъ смѣло и въ-слухъ: *я упель у шапти тасагитъ*».

Итак, на основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. В.И. Даль одним из первых обратил внимание на существование в России XIX века социальных диалектов.

2. В своих работах он зафиксировал арг, условные языки бродячих ремесленников и торговцев.

3. Работы В.И. Даля по социальным диалектам нуждаются в серьёзном анализе и описании.

Список литературы

1. Даль В.И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // Вопросы языкознания. 1990. № 1. С. 133–137.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1935. С. XXXII–XXX (с небольшими поправками против первого издания).

3. Даль В.И. (Казак Луганский). Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1995. С. XVI–LXXXII.

4. Даль В.И. Напутное слово // Пословицы русского народа. Сб.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 5–21.

5. Даль В.И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. I. С. 32.

6. Топорков А.Л. Из истории науки: В.И. Даль. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // Вопросы языкознания. 1990. № 1. С. 133–137.

7. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. 1200 с.

8. Даль В.И. Словарь русско-офенский. Писарская копия в переплёте 1854–1855 гг. СПб.: Санкт-Петербургская б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 234. Ед. хр. 7. 162 с.

9. Трахтенберг В.Ф. Блатная музыка (Жаргон тюрьмы) / Под ред. и с предис. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.: Тип. А.Г. Розена, 1908. XX. 116 с.

10. Грачёв М.А. Русское арг: монография. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 1997. 246 с.

SOCIAL DIALECTS IN THE «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT LANGUAGE» V.I. DALYA

M.A. Grachev

V.I. Dal of Nizhniy Novgorod has collated all of the lexicographical works about certain reference languages: ophinya, the language of craftspeople, and the vocabulary of the thievish language. The *Explanatory dictionary of the living great Russian language* contains lexemes of the cheating people. Words of ancient criminal societies are listed, along with words having to do with crime.

Keywords: reference languages, argot, society, pidgin, cryptographic languages, jargon.